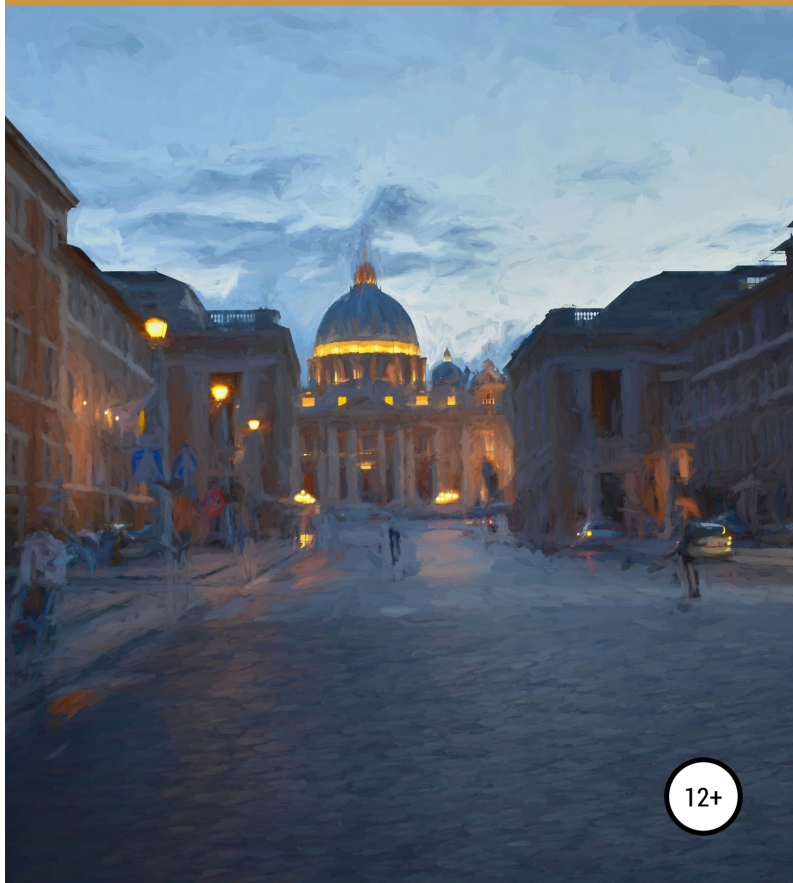

Варвара Элек

Самый важный дневник

12+

Варвара Элек

Самый важный дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30481126

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08620-3

Аннотация

Тихая и скромная труженица Мария ведет личный дневник и замкнутый образ жизни неслучайно. Кратковременная амнезия по вине романтических чувств однажды напугали девушку, и она твердо решила, что впредь будет защищать свое душевное равновесие и память. Это не мешает героине мечтать об уютном домике, новой работе и пушистых питомцах. И вот чудо случилось в один день! Но исполнение желаний порой приносит массу хлопот, если ты совершенно не понимаешь, как и почему это все к тебе пришло...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Глава 1

Сегодня юбилей моего дневника. Ну почему именно сегодня? Уже поздний вечер, и хочется спать, а не заниматься переписью жалких дней своего существования... Ну да ладно, ведь сама знаю, как бы ни были всемогущи современные технологии, планшет не внесет нужные записи без моего участия.

Прощайте, толстенные блокноты, приветствую тебя, о новенький планшет! Вести дневник таким образом – не заметно для окружающих.

Впрочем, особенно скрываться мне и не от кого. Я живу с самой тактичной соседкой Олесей. Она знает, что я веду дневник, и относится к этому так же, как если бы я гоняла на компьютерных машинках или вязала крючком все вечера напролет. За это я ее и обожаю. Никаких лишних вопросов. Только то, что я сама хочу рассказать. Так уж случилось, что рассказывать самое важное у меня получается только самой себе через бумажного, ну а теперь цифрового посредника...

Все-таки проводить вечера за планшетом гораздо дозволительнее и логичнее, чем с ручкой и блокнотом. Это Пушкин мог смело восседать часами за подобным занятием, ведь окружающие уже тогда не сомневались в плодотворности его письма. А вот мне, молодой одинокой девушке, в век компьютеров и телефонов сидеть, исписывая сомнительным

содержанием бумажные листы, на которых не появится ни один лайк или коммент, как минимум нецелесообразно. Наверное, это поняла даже моя не очень современная мама, подарив мне сие, уже давно доступное чудо техники. И уж наверняка при покупке она не допустила ни единой мысли, что ее дочь более чем через четыре месяца вскроет упаковку и то только для того, чтобы констатировать скучнейшие события и без малейших планов выложить их в социальную сеть...

Теперь все можно стереть. Безвозвратно. Не то, что на бумаге. Перечеркнутое слово, неловко отразившее мысль, слеза или капля вина всегда будут оставаться в грузных потертых блокнотищах... Бумага держит подчас не хуже нашей собственной памяти, впитывая то, что соприкасается с ней.

Текст на экране равнодушен, и не понятно, в каком состоянии его писали. Почерк же способен отразить чувства – волнение, спокойствие и даже грусть...

В конце концов, мои рукописи не поставят в музей под стекло. Если только это не будет музей редчайших диагнозов за всю историю человечества. В таком случае им придется довольствоваться моими первыми шестью томами записей.

Итак, меня зовут Мария. Мне почти 25.

Мою маму зовут Мелисса, папу – Александр. Имеется также брат Ярослав. Не замужем. Работаю бухгалтером в фитнес-клубе. Люблю готовить и есть.

По мнению близких, у меня масса проблем. «Проблемных особенностей», как называет их моя мама.

Ну например, я очень часто меняю заставки на моем компьютере. Пару раз в день минимум. Сначала мой братик просто посмеивался над этим, а потом уж и вся семья не могла пройти мимо домашнего компьютера без вздоха или очередного заботливого взгляда в мою сторону.

Второе, это то, что я вегетарианка. Тошнит от одного лицезрения мясных продуктов. Подозреваю, что мою семью не менее тошнит от меня, не скрывающей свою тошноту от лицезрения мясных продуктов. Как-то так.

Еще таскаю флакончики с лавандовым, лимонным, мятным и сандаловым маслами. Нюхаю их не так уж часто, но моя сумка и полка с данной утварью тоже вызывают смешанные чувства у родных.

Панически боюсь, когда ситуация выходит из под контроля. Сразу замыкаюсь в себе, начинаю хлопать глазами и даже задыхаться. Ярик упоминал, что я похожа в таких случаях на щенка бассет-хаунда, которого чем-то очень сильно испугали. Думаю, его характеристика недалеко от истины.

Итак, у моей семьи немало поводов считать меня обладателем «проблемных особенностей». Но главная проблема – та, о которой им совершенно ничего не известно. Хотя Артем Романович велел не признавать наличие проблемы. Моя временная особенность. Вот только объяснить этой особенности, что она временная, нам пока не удалось...

Я забываю всех, в кого влюбляюсь. И напроць забываю все, что происходит со мной со дня знакомства с объектом моей злосчастной влюбленности. Схема проста. Например, познакомилась с молодым человеком, потом через две недели влюбилась в него. Наутро – черная дыра в памяти размером в две недели.

Моей огромной удачей является то, что я влюбляюсь в людей, недавно появившихся в моей жизни. Неделя или две, максимум месяц выпадает из моей жизни. Что бы произошло, встретить я, к примеру, своего одноклассника и влюбись в него? Мне идет двадцать пятый год, а проснувшись в то незабываемое, тьфу, наоборот, забываемое утро, я вновь ощутила бы себя прелестным семилетним ребенком. Разрыв сердца при первом же подходе к зеркалу обеспечен.

В надежде помочь себе в периоды внезапно наступающей амнезии я каждый день веду дневник. При этом абсолютно уверена, что вести дневник для развлечения – глупо. Есть масса более приятных занятий. Я бы предпочитала посещать бассейн в свободное время... Или рисовать...

Мой дневник – результат моей проблемы.

Никто не пишет в дневнике собственное имя и не описывает состав семьи.

Конфуз на работе с разлитым кофе или долгожданная записка от мальчика из 6 «А» – другое дело. Впрочем, о чем я? Кто сейчас вообще ведет дневник? Личный и неприкосновенный. Блог или страничка в социальных сетях – другое

дело.

Когда говорят о человеке, обычно характеризуют то, где природа перестаралась в своей щедрости или скупости. Она очень красива. ..Она слишком эмоциональна...Она совершенно не пунктуальна...

Что скажут обо мне? Слишком трусливая, неловкая, замкнутая... Но если бы кто-то знал меня по-настоящему, он сказал бы: «Она имеет уникальную забывчивость».

Мой дневник – это тонкий слой соломки на случай, если я вдруг влюблюсь снова. Не дай Боже! И особенно не дай Боже влюбиться в того, кого знаю больше десяти лет, ведь тогда я не буду помнить даже, что стала вести дневник.

Так случилось, что в юности я была довольно влюбчива, и после нескольких «веселых» разбирательств на тему «кто-он-такой-первый-раз-вижу», я решила все записывать, чтобы потом без лишних трудностей улизнуть из создавшейся ситуации. Никто с уверенностью не может гарантировать мне, что я не решу сегодня в кого-нибудь влюбиться, и тогда память помашет мне ручкой с первого дня знакомства с этим человеком. И ладно, если бы я просто забывала его. Так ведь абсолютно все выпадает из памяти с этого самого дня первого знакомства с господином Большая Проблема!

Первый раз это случилось в 15 лет. Я утром, еще заспанная, зашла в класс и обнаружила, что среди учеников появился новенький, о чем сразу же и сообщила подруге. Я не очень-то и ошиблась – мальчик появился у нас в классе две

недели назад, но Настя все равно долго смеялась. А я не могла понять, почему все на меня так странно смотрят, включая новенького, и при этом на доске записана неверная дата... Оказалось, что накануне вечером, на школьной дискотеке этот мальчик пригласил меня танцевать и мы целовались. Не знаю, какой день в моей жизни был самым счастливым, но в том, какой самый безобразный, сомнений нет. Конечно, этим днем был тот, когда я впервые почувствовала, что схожу с ума.

В классе быстро распространилась новость о моем якобы тупом розыгрыше на тему потери памяти. Мальчик Юра, долговязый светловолосый подросток, так ничего и не сказал мне. Только смотрел на меня глазами кота Упсика из моего раннего детства, когда я нечаянно сильно наступила животному на лапу. Впрочем, именно таким же взглядом я смотрела на своих одноклассниц, когда они потешались над десятком медленных танцев с Юрой, половина из которых была отнюдь не под медленную музыку.

Будучи уже тогда несколько застенчивой девочкой, я очень болезненно воспринимала повышенное внимание ко мне всего класса, поэтому призналась, что просто пошутила и на самом деле все помнила и помню. Через неделю все забыли мою историю почти так же основательно, как я позабыла Юру... Как и он меня. У мальчика была явно уязвлена гордость из-за якобы престранного розыгрыша. Нашим отношениям пришел вынужденный конец. И моей успешной

учебе, кстати, тоже. Ведь я не помнила целых две последние недели из моей жизни! Катастрофа похлеще десятибалльного цунами для любого школьника.

Начался активный анализ. У меня не было практически никаких зацепок. Забыла две недели своей жизни и одного-единственного человека. В том, что он был единственный «человек X», я добросовестно убедилась: рассматривала семейные фотоальбомы и спрашивала родных о каждом незнакомом лице на этих фото. Чтобы избавиться от лишних вопросов, я придумала историю о домашнем задании на тему «Я и мое прошлое». Эта тема была моей больной темой три долгих месяца. Мне так и не удалось выяснить, были ли другие провалы в моей памяти. Теперь я уже знаю, что на тот момент в воспоминаниях единственной черной дырой стал Юра и две недели жизни. В итоге я решила, что ночью ко мне в комнату явились пришельцы и вырвали кусок памяти. А возможно, украли мое тело на полмесяца для своих экспериментов. Это гипотеза меня пугала и успокаивала одновременно.

Через три месяца история повторилась.

На этот раз незнакомцем оказался учитель по физкультуре. Довольно симпатичный мужчина тридцати лет впервые появился в нашем классе. Правда, только для меня. Я, к счастью, не успела поделиться своим открытием с другими учениками. Было очевидно, что он знает нас всех. Иначе как

можно было объяснить, что он зашел в класс, не представился, а сразу же отругал двух учеников за отсутствие спортивной формы, назвав их по фамилиям, и отправил на сдачу нормативов по прыжкам в длину. У меня снова появилось жуткое ощущение, что я пропустила несколько серий из собственной жизни... Как же мне не хватало краткого содержания предыдущих серий! Вот бы появился добрый человек и своим четким выразительным голосом рассказал о том, что было тогда, когда я явно отсутствовала. Впрочем, мне опять повезло. Леонид Иванович появился в моей жизни меньше месяца назад. Месяц, который я, возможно, никогда не вспомню...

На этот раз я тщательно и издалека выясняла у подруг все подробности об этом загадочном учителе. Оказалось, что как минимум пять девчонок из нашего класса были в него влюблены. А точнее, шесть девчонок, ведь в тот же день моя одноклассница Катя ткнула меня в надпись в женской раздевалке «Леня, ты лапочка», подмигнула мне и похихикала. Я не смогла не узнать свой почерк.

Закономерность начала вырисовываться. Правда, еще очень туманно. Не хватало третьего раза. Третий раз не заставил себя ждать.

Я проснулась утром в якобы выходной день, позавтракала. На своем столе обнаружила диск с фильмом «Телохранитель» и сразу уселась его смотреть... Зашел мой младший брат и начал язвить по поводу того, какой раз я смотрю этот

фильм – сотый или трехсотый, да еще и прогуливая школу. Но я видела его впервые и сегодня должна была быть суббота! И актер мне был совершенно незнаком. Кевин Костнер какой-то. Ну а через полчаса я обнаружила в ящике стола вырезки из журналов с фотографиями этого самого Костнера, а вокруг его лица сердечки. Жуть! И кстати, диск с фильмом явно подписывала я.

К счастью, Ярослав находился в том нежном возрасте, когда причуды старшей сестры быстро забываются. Он больше не вспоминал про то, как я несколько минут доказывала ему, что и фильм, и диск вижу впервые. На этот раз я отделалась тремя днями. Выяснилось, что ранее Кевин Костнер был мне совершенно неизвестен. Мама подтвердила, что сама купила диск, который я накануне вертела, уточнив, как зовут актера на обложке. Разумеется, маме я не рассказала об истинных причинах своего интереса.

И снова начались веселые деньки в школе. Я напоминала себе зайца, преследуемого собаками. Мне приходилось, подобно загоняемому животному, изображать, что я помню происходящее на уроках за последние дни, чисто случайно забываю домашние задания, пройденный материал... и отчаянно теряю общие интересы с подругами. Я понимала, что не могу поддерживать разговор с ними на многие темы, чтобы не выдать свое беспамятство. В итоге из легкомысленной веселой девчонки я превращалась в замкнутую, диковатую, неуклюжую особу. Какой остаюсь и поныне.

Многие на моем месте обратились бы за помощью. Эти многие явно не были девочкой-подростком с серьезными комплексами из-за дырявой памяти. Я ни с кем не поделилась своей проблемой. По крайней мере, до 18 лет. Тогда я все-таки начала свои консультации у врача-психотерапевта Артема Романовича. До этого момента я жила в своих мыслях, много размышляла, как будто бы стала старше лет на 10 и... начала вести дневник.

Каждый свой день я записываю в самом большом блокноте, который удастся найти в канцелярских магазинах. Стараюсь найти такой, чтобы хватало на год. Не знаю, откуда возникла манера вести один дневник целый год. Наверное, сказывается врожденная потребность быть точной и последовательной в делах. А может быть, я, подобно Робинзону Крузо, на моем необитаемом острове вместе со своей тайной книгой отмеряю год, а дневниками считаю годы пребывания в этом одиноком и странном состоянии... Да, это звучит получше психического диагноза.

В школе я влюблялась несколько раз. В юности так сложно противостоять влюбленности. С возрастом я научилась не допускать романтических чувств. Развиваю самоконтроль, знаете ли. Любой объект мужского пола в подходящем возрасте, заманчивой внешности и с наличием привлекающей меня манеры поведения сразу наделялся мною рядом негативных особенностей. В журналах психологи советуют девушкам с неразделенной любовью представлять возлюблен-

ного в непривлекательном виде: абсолютно лысым или седым. Или в туалете, например. Чтобы не довести дело до романтизма и, соответственно, провалов в памяти, я опережала события и изо всех сил находила недостатки у всех особей мужского пола приятной мне наружности. После окончания школы только дважды со мной случалась оплошность.

Я ощущаю себя юной девушкой, никогда не испытывавшей состояние любви, но очень многое читавшей об этом в романтических книгах. Отличие лишь в том, что героиней этих книг являюсь я сама. И автором.

Последние отношения не носили платонический характер, если верить собственным конспектам. И вместе с тем я, как самая порядочная девушка в нашем городе, не помню ни единого своего поцелуя.

Мои записи мне помогали. Каждое свое ощущение любви я фиксировала в тот последний день... Чтение дневника и анализ. Необходимость избегать общения с окружающими. Попытки реабилитировать себя...

Не было дня за последние 10 лет, чтобы я не пыталась понять истоки постигшей меня проблемы. Моя жизнь состоит из двух частей: мир до первого провала памяти и мир после него. Первый мир счастливый, беззаботный с правом любить и быть веселой девочкой. В нем я неплохо рисовала, успешно училась и часто смеялась. Во втором мире я стала сдержанной, пугливой и ведущей дневник. Поделиться своей проблемой ни с кем не могу и не хочу. С 15 лет подру-

ги исчезли из моей жизни. Никому не хочется дружить с девочкой, которая почти не разговаривает и даже не ходит на школьные дискотеки. Олеся – моя единственная настоящая подруга. Правда, и с ней я не могу быть по-настоящему откровенна. Люблю ли я ее? Думаю, что да. И ведь не забываю же. И мои родные. Мама, папа, брат.... Скорее всего, потеря памяти распространяется только на влюбленность к представителям противоположного пола. Тем не менее во мне живет страх, что когда-нибудь у меня родится ребенок (от неизвестного или нелюбимого мужчины, разумеется) и я его забуду в первый же день его рождения. А может, и раньше. Хотя забывать о собственной беременности – дело сомнительное... И что самое страшное – не смогу полюбить снова. Ведь я не смогла полюбить ни одного своего бывшего возлюбленного.

Именно такие мысли заставили меня обратиться за помощью к психотерапевту. Я сразу соблазнилась заявленной анонимностью консультаций. Обычное объявление в газете с такой привлекательной строкой об «ответственности за разглашение информации, связанной с клиентом»... Я тщательно, хотя и не без смущения, изучила договор с пациентом и особенно пункты, согласно которым доктор нес значительные материальные потери, если по любой причине позволил себе поделиться с третьим лицом любыми деталями консультаций клиента. Стоимость услуг была также заоблач-

на. Мне пришлось погрязнуть во вранье, чтобы раздобыть деньги. Сказала родителям, что записалась на платные курсы рисования. Потом якобы купила новенькие атрибуты художника – мольберт, кисти, краски, а сама приобрела их по объявлению за копейки у одной нервной мамы несостоявшегося художника.

На первом же, так дорого обходившемся мне приеме, Артем Романович стал тереть свою макушку с особым рвением. Это повторялось и на следующих сеансах. Я чувствовала себя виноватой, каждый раз отмечая расширение залысин на его голове. Он протирал очки салфеткой слишком часто, как будто они искажали обычную девушку и превращали меня в его глазах в русалку или кикимору. Он задавал мне так много вопросов, что его фантазии позавидовал бы сам Андерсен. Лучший инструктор нашего фитнес клуба не имеет моих способностей вдохновлять человека на столь частые приседания и подъемы с собственного стула, долгую ходьбу по кабинету и равномерные покачивания головой.

Я пила прописанные им лекарства, записалась на занятия по танцам и уехала из родительского дома, начав самостоятельный образ жизни. Само собой, ни одна из его методик еще не сработала. Лекарства я уже давно перестала пить. В фитнес-клубе теперь я работаю бухгалтером, а вовсе не танцую. А ушла из дома, так как Артем Романович высказал теорию о том, что мне не хватало родительской любви в детстве и потеря памяти возникает из-за защитных реакций ор-

ганизма на любые новые проявления любви. Вначале мне казалось это вполне правдоподобным. Когда родился Ярослав, у меня было больше обязанностей, чем прав и возможностей. Долгое время я сетовала на родителей, что они не уделяли мне должного внимания, оставив безответным мое чувство любви, и обрекли тем самым меня на жесткий иммунитет в виде амнезии ко всем новым привязанностям.

Мой самостоятельный образ жизни и искреннее прощение родных, по мнению врача, должны были меня излечить. Со временем я находила все меньше поводов за что-то прощать родных. Мой психотерапевт меж тем настаивал, что во мне срабатывает защитная реакция организма на чувство любви и привязанности... Как же предусмотрителен мой организм, если он защищал меня даже от таких опасных интриг, какие у меня могли быть с Кевином Костнером и Томом Крузом! Сомнительная причина болезни...

Артем Романович часто убеждал меня обратиться к другим специалистам. Я согласилась на медицинское обследование организма, с условием, что моя проблема останется между нами. Мне было страшно, что специалисты, узнав о моем редчайшем виде амнезии, сделают из меня подопытного кролика. Моя юная фантазия, подпитанная литературой и сериалами, рисовала жуткие картины психиатрических клиник с высоченными заборами и одинокими белыми палатами.

Обследование организма показало, что если я не избавлюсь от амнезии на Земле, то вполне смогу попытаться счастья

где-нибудь на Марсе – к полету меня допустят. Мое отменное здоровье, скорее всего, огорчало Артема Романовича. Никаких зацепок. Мой психоаналитик все-таки сделал очередное новое назначение. Лечебное голодание. В те времена я находилась в том счастливейшем состоянии, когда мое отражение в зеркале еще никак не ассоциировалось с потребностью скинуть пару килограммов. А практика так называемого «лечебного» голодания, напротив, пробуждала желание откормить меня практически у всех, кто на меня смотрел, в том числе и у себя самой. Правда, кое-что полезное я для себя вынесла. После двух месяцев постного питания напрочь расхотелось есть мясо и рыбу. Многие люди приходят к вегетарианству из любви к животным, а я полюбила животных в период вынужденного отказа от мясных продуктов. Артем Романович, разумеется, ждал иного результата, чем мое обращение к вегетарианству.

Кстати, в том же месяце я по уши влюбилась в брата однокурсницы на ее дне рождения, только потому, что он с участием отнесся к моим пищевым убеждениям. Отделалась крайне легко – потеряла всего один день памяти, который был к тому же записан поздним вечером накануне.

Артем Романович тем временем настаивал на обсуждении моего диагноза с коллегами, а я – на сохранении врачебной тайны. В конце концов, подозревая бесполезность наших сеансов, я решила перестать посещать своего доктора. То ли из-за трудностей в поиске средств для оплаты сеансов, то ли

из жалости к остаткам волос на голове доктора, которые он особо рьяно теребил на наших последних встречах, я заявила ему, что по всем признакам влюбилась и не спешу терять память. Никогда не забуду его бурную радость, степень высоты которой мешала определить, искренняя она или показная. Уж не знаю, что Артем Романович оживленно писал в своих талмудах. Я позволила ему почувствовать себя величайшим доктором, хотя и без права прославиться.

Моим единственным методом лечения в дальнейшем оставалась профилактика. Я очень старалась избежать романтических чувств. Мой дневник выдавал закономерность: мне нравились умные мальчики или мужчины с пронизательным взглядом. В своих конспектах я отмечала «очевидный интеллект», «магнетизм во взгляде», «хорошо поставленную речь» и прочую дребедень перед тем самым днем провала памяти.

Таким мужчинам я стараюсь не смотреть в глаза и сразу представляю их лысыми, толстыми, с кривыми зубами и неприятным запахом изо рта.

Одной из главных загадок остается та, почему я не могу влюбиться повторно. Поначалу я очень старалась это сделать, надеясь, что память вернется. Рассматривала фотографии новоиспеченного объекта моей амнезии, если они были, искала общения. Но притягательность во взгляде бывшего возлюбленного исчезала напрочь. Зато появлялась стойкая неприязнь. Я перечитывала последние записи о нем в сво-

ем дневнике, и в голове не укладывалось, что автором была я. Мой почерк, мой стиль написания, но чувства... Что они делали с моей памятью и почему всегда уходили безвозвратно?..

Я научилась отчасти относиться к этому с юмором. Мой дневник и моя аналитическая работа ума в конце концов откроют тайну моего подсознания. Я верю, что смогу найти способ избавления от амнезии. И надеюсь, что это произойдет не в 80 ...

Чем больше сюрпризов преподносит мне моя память, тем больше я ценю то, что всегда со мной. Мою семью. Мою подругу. Мою уютную квартирку. Мою работу. Целые 15 лет непрерывных воспоминаний детства, за исключением разве что первых трех-четырех, забывать которые вполне свойственно и остальным представителям человечества.

Итак, краткая суть проблемы изложена и все шесть томов бумажных носителей моих воспоминаний укомплектованы в зеленой коробке под кроватью. Будем надеяться, мне не придется обращаться к ним за получением забытой информации. Разумеется, я делала пометки в конце каждого дневникового блокнота, где искать продолжение, и, самое главное, сделала яркую пометку, что с такого-то числа такого-то года вся информация хранится в электронном блокноте планшета с названием «д»...

О сегодняшнем дне написать почти нечего. Весь послед-

ний выходной я просидела дома. Готовила лазанью с фасолью на рисовом молоке, читала Конан Дойля и смотрела очередной тупейший сериал. Хорошие фильмы стараюсь не смотреть, дабы не проникнуться романтическими чувствами к давно известному актеру. Я, конечно, уже вышла из легкомысленного возраста, но все же подобной катастрофы лучше поостеречься.

Жду возвращения Олеси из компании своего жениха. Я прямо чувствую, что моя квартирка скоро опустеет. Подруга уже с утра прислала мне сообщение недвусмысленного содержания: «Сегодня вечером он что-то хочет мне сказать...» Это смс может означать, что уже на следующей неделе Олеська будет паковать чемоданы, оставляя меня коротать вечера в компании с новым осовремененным дневником. Я не могу заставить себя не грустить от этой мысли. Только ощущение стыда, что радость подруги провоцирует во мне негативные ощущения, заставляет меня по-другому смотреть на эту ситуацию.

Я могу завести собаку! До сих пор я только могла мечтать о пушистом друге, так как у Олеськи аллергия на всех лающих, мяукающих, грызущих и летающих. Я могу завести нескольких. И тогда вечерами я буду залазить под одеяло и едва слышно постукивать по экрану, а в ногах будут мирно спать спаниель с кошкой. А в клетке на столе будет наматывать круги в своем колесе ручной хомяк.

У меня потеплело на душе от нарисованной в мыслях кар-

тины. Щенка спаниеля я вполне смогу позволить себе уже со следующей зарплаты. А сколько миленьких домиков сдаётся в пригороде! Некоторые из них ненамного дороже моей квартиры. Будет сложнее платить за аренду самой, но делить жильё с кем-то, кроме Олеси, не буду однозначно. Спаниель не в счёт. В любом случае мысли о зелёной лужайке с бегающим псом и важно прогуливающимся котярой восстановили гармонию моих ощущений.

Так, что там дальше? А, собственно, и ничего. Весь день я провела дома, не считая похода по магазинам. Знакомых не видела, ни с кем не общалась, значит, и писать не о чем. Этот день я могу смело забыть. Вот если бы воспоминания об этом дне можно было обменять на воспоминания о каком-нибудь другом!.. Звук смс: «Сегодня не приду. Увидимся завтра вечером. Мне есть что тебе рассказать! Смайлики...»

Так я и знала!

P.S. Не забыть выписать телефоны заводчиков щенков!

Глава 2

Утром без тени энтузиазма плелась к холодильнику за приготовленной с вечера овсянкой на соевом молоке... Ну почему моя решимость скинуть пару килограммов просыпалась всегда позже меня? Не раньше полудня, когда мною уже поглощались несколько конфет или пачка печенья.

Потом приступила к поспешному макияжу. Подвела брови и начесала тушью ресницы. Естественно, от такого беглого мэйк-апа мелкие черные частицы усеяли нижнее веко, и я снова поплелась в ванну. Как я бледна! А ведь уже лето. Мне определенно нужно солнце. И море! Сколько я не была в отпуске? Больше года. Обязательно напомним об этом Галине Сергеевне. Галина Сергеевна – моя начальница и главный бухгалтер нашей «фитнес-компании». Я являюсь, скромно выражаясь, ее помощницей. Можно, конечно, вспомнить запись в трудовой книжке и сказать, что я заместитель главного бухгалтера. Но суть от этого не поменялась бы. Я второе и одновременно последнее звено нашей коротенькой финансовой цепочки. Логичнее меня называть помощником. Тем более, что зарплата вполне соответствовала этой должности, нежели той, что была обозначена в трудовой книжке. И то с учетом последнего повышения. Собственно, его выбила для меня сама Галина Сергеевна.

Несколько месяцев назад я набралась решимости, кото-

рую копила два последних года, найти себе более высокооплачиваемую работу. Надо же было Галине Сергеевне залезть в мой компьютер как раз, когда я выходила в буфет, пользуясь крепким сном своего намерения не-есть-ничего-сладкого-из-нашего-буфета. Моя начальница с трудом свой-то компьютер включала, а тут ей захотелось, видите ли, понять, что за бегущая загогулина крутится на черном фоне моего экрана. Вмиг загогулина исчезла, уступив место объявлению о предложении вакансии. Когда я вернулась, взволнованная женщина стала говорить о своей злосчастной аллергии, о тридцати килограммах лишнего веса, о том, как безразлично начальство ко всему, что она делает для порядка и стабильности в бухгалтерии, и, наконец, как мне будет сложно на новом рабочем месте с моим нелюдимым характером... Я поняла, что Галина Сергеевна знает о моих планах капитуляции и сделает все, чтобы я осталась. Сердобольная женщина в тот же день вернулась от начальства и с нескрываемым самодовольством сообщила, что моя зарплата повышена на целых десять процентов и мне незачем искать то, что заведомо будет сложнее, неинтереснее и, самое главное, лишено таких доброжелательных взаимоотношений, какие сложились у нас с ней. Я осталась. Наверное, потому, что так и не смогла решиться уйти.

Нерешительность является моей серьезной проблемой. Поменять марку туши для ресниц, купить что-нибудь более яркое и экстравагантное, чем синие джинсы, стать блондин-

кой, как моя мама. . . Нет, у меня есть потрясающе соблазнительное красное платье, но я его так и не надела, хотя с момента покупки прошло более года. Многие вопросы остались открытыми. Мечты о маленьком домике с двориком или о новой работе были для меня подобны мечте единственного обитателя острова, который годами не решается отправиться в путь к большой земле на самодельной лодке.

А вот настоящий остров посреди бескрайнего океана мне не помешал бы. Отдохнуть недельки три совершенно одной и без опасения что-нибудь забыть. Без необходимости вести дневник! И в довесок сбросить синеватую бледность лица. Да, я нелюдимая, как правильно подметила моя коллега. Необитаемый остров был бы идеален для меня. Впрочем, подойдет любой! Солнце, песок, пальмы. . . М-м-м. Вот, это настоящая перезагрузка! Сегодня же подниму тему моего отпуска. . . Не зря же я весь год сохраняю неприкосновенным остаток на карте.

С утра я заскочила в банк и обновила ключи для программы «интернет-банк». На телефоне мигнуло ровно десять, когда я вошла в бухгалтерию. Галина Сергеевна была на своем месте, что в такое время случалось с ней нечасто. Она вещала своей очередной приятельнице по телефону о событиях минувших выходных. Прежде, чем выполнить инструкции по обновлению программы, я залезла в папку «фото» и сменила на мониторе горный ручей на двух чаек на пустынном песчаном пляже. Да, у всех свои слабости. Кто-то грызет ног-

ти, кто-то играет в компьютерные игры, а я меняю заставку на компьютере чаще, чем принято. Это особенно странно, учитывая мое пристрастие к постоянству.

После обновления программы я принялась за стопку первичных документов. Из-под них выглядывала пестрая книга – поэма «Руслан и Людмила» в твердой красочной обложке. Это был новогодний подарок Олеси. Она знала мою слабость к классике, так эффектно оформленной. Я принесла книжку на работу, чтобы уделять ей минут десять в обеденный перерыв. Это бывали волшебные десять минут! Словно стены «Антилопы» растворялись в сказочном тумане, и все вокруг обволакивала романтическая история. Даже я сама превращалась из невзрачной девушки в прекрасную княжну, жаждущую своего спасения. Но время для чудес не пришло, и я в полной мере оставалась пленницей цифр, бумаг и яркого монитора, а вовсе не злодея Черномора. Я лучше запрятала книгу под бумагами – нехорошо, если решат, будто у меня есть лишнее время.

События субботы Галина Сергеевна освещала не мне, и я, пользуясь этим, могла сделать работу, требующую особой сосредоточенности. Стала подбивать кассу. Галина Сергеевна уже добралась до своего самочувствия в воскресное утро, когда я распечатала последний документ и положила его в стопку для подписи. Голос в коридоре оповестил нас о приближении нашего директора Виктора Федоровича.

– Добрый день, девочки! – поздоровался директор, не от-

рывающая взгляд от бумаг. – Почитайте, пожалуйста, договор, Галина Сергеевна. Предлагают условия взаимозачета, проверьте, все ли верно.

– Да-да, сейчас почитаю. Работы столько... Вам срочно?

Виктор Федорович проигнорировал последний вопрос, провел рукой по седым волосам и уткнулся в свой смартфон. Его лицо было, как всегда, красноватым и немного лоснящимся. Мне всегда казалось, будто он только что слез с одного из тренажеров соседнего зала, хотя я ни разу не видела его тренирующимся. Инициатором открытия спортивного клуба был его партнер, царство ему Небесное или что там принято говорить. Отныне Виктор Федорович оставался единственным владельцем и управляющим нашей скромной обители спорта.

– Безобразие какое-то! – прошипела главный бухгалтер, когда директор вышел. – Почему бы ему не прибегнуть к услугам юристов? Теперь мы должны заниматься еще и договорами?! ... Почитай, Марусечка, если будут трудности, ты же можешь в интернете посмотреть... Это касса, да? Давай подпишу и, пока он на месте, отнесу ему на подпись... Нет, ну вы подумайте, теперь и договора по моей части! ... Фух, беда, просто беда с этими туфлями... Еще два раза померила, абсолютно не жали. Теперь вот мучаюсь. Ноги отекли. Еще бы, подниматься каждый день на второй этаж!.. Ты, когда разберешься с договором, дай мне его, я подпишу, и ты вместе с кассой отнесешь... Как хорошо мы раньше жили без

компьютеров. Настоящие враги зрению. Я уже скоро дальше своего письменного стола ничего не увижу!..

Галина Сергеевна явно преувеличивала, ведь самым современным орудием на ее столе был калькулятор. Компьютер тоже был, но он использовался ею как антураж, для солидности, прекрасно гармонирующий с двумя крошечными кактусами. Нет, я нисколько не хочу приуменьшить способности Галины Сергеевны. Она – настоящая королева проводок и на одну хозяйственную операцию воссоздаст десяток комбинаций дебетов с кредитами, которые не будут никоим образом противоречить «святым писаниям ПБУ».

«Компьютер со своими новомодными бухгалтерскими программами – это студент, зазубривший теорию. Его нужно контролировать и еще раз контролировать и, уж конечно, ни к чему серьезному не подпускать», – часто повторяла моя коллега. Последняя информация относилась к налоговым отчетам, которые она не доверяла составлять в программе. Последние два квартала, каюсь, я распечатывала их из программы и переписывала в пустые бланки, уверяя, что все десять раз пересчитала вручную. Доказывать Галине Сергеевне, что программа лучше меня умеет складывать нужные суммы, мне не представляется возможным до сего дня. Вот только ужасно стыдно приносить инспектору бланки с письменами, которые пахивают неприличной древностью нашей бухгалтерии. Надо бы отстоять в этом квартале мое право доверить неблагодарный труд принтеру...

– Я хотела взять недельку отпуска...– спустя несколько минут решила вставить я, опасаясь, что звонок очередной подруги отвлечет Галину Сергеевну и я не успею посетить директора с моим личным вопросом.

Галина Сергеевна вздохнула и, глядя в темный экран отключенного монитора, стала причесывать свои короткие красно-рыжие волосы крохотным гребнем, который вечно обитал в ее стаканчике с карандашами и ручками.

Я была признательна ей, что она не стала меня отговаривать, а лишь неуверенно пробормотала:

– Ну скажи ему...Может, если...только недельку...Скажи...

Я быстро встала со стула и взяла пачку бумаг для подписи.

– Пойду отнесу. Договор я проверила!

Когда я выходила из кабинета, Галина Сергеевна все еще рассматривала свое отражение и, наверное, размышляла, что последний месяц квартала – не время для отпуска помощника главного бухгалтера. Я ускорила шаг и буквально полетела в кабинет Виктора Федоровича, как будто опасаясь, что Галина Сергеевна со своим повышенным давлением и варикозным расширением вен вдруг вскочит со своего рабочего места и с бэтменской скоростью преградит мне дорогу, зловеще воскликнув: «Я запрещаю!»

Я почти не испытывала чувства неловкости при общении с директором. Виктор Федорович, по всей видимости, считал меня серой мышью. Одной из тех, что сидят за столами,

преподают в его фитнес-залах или убирают их. Будучи человеком занятым, он ограничивался минимумом общения с сотрудниками. Мне он всегда казался человеком деловым, не мелочным и серьезным. Его отношение к моей персоне мне тоже нравилось. Когда тебя максимально игнорируют, то меньше причин для стеснения. Про тебя с трудом помнят, и ни к чему переживать о том, как пройдет разговор. Тебя забудут раньше, чем ты выйдешь из кабинета.

Его солидный возраст и неспортивная внешность сводили на ноль риски, связанные с моей амнезией. Вот почему мне иногда казалось, что мой директор идеален. По крайней мере, как директор, для меня...

Я впорхнула в кабинет директора, мне предложили сесть на стул и сразу занялись подписью моих бумаг. Все говорило о том, что удача на моей стороне.

Не было причин тянуть, и я писклявым голосом попросила взять недельку передышки.

Виктор Федорович немного отодвинул бумаги и поглядел на меня поверх очков.

– Очень хорошо! – радостно воскликнул он еще до того, как я успела испугаться.

Такой реакции я не ожидала. Походило на то, что он перепутал мою просьбу об отпуске с предложением не платить мне в этом месяце зарплату.

– Можно со следующей недели. А в Ваше отсутствие, Мария, я бы хотел предложить Галине Сергеевне покинуть нас.

– Да, мне кажется, ей тоже не мешает отдохнуть. Она себя плоховато чувствует последнее время... С отчетами я справлюсь... – начала на радостях тараторить я.

– Я говорю об ее увольнении.

Виктор Федорович продолжал смотреть на меня поверх очков. Естественно, я часто заморгала и умолкла. Что еще я могла сделать после такого заявления? Возможно, он ждал от меня каких-то комментариев, но я была совершенно не способна на них. Спустя минуту Виктор Федорович продолжил подписывать документы как ни в чем не бывало:

– На моей фирме у каждого работника должны быть свои функции, а если они ограничиваются разговорами по телефону и жалобами, то этот человек может быть свободен... Я и так слишком долго ждал... Вы не согласны?

Я не сразу поняла, что последней фразой был вопрос, адресованный мне.

– Не мне судить... Галина Сергеевна очень грамотна...

Я скорее бляяла, чем говорила. Моя жалость к коллеге не смогла найти словесного выражения.

– Раз так, то она быстро найдет работу.

Я вдруг перестала что-то чувствовать, кроме терпкого парфюма, витающего в кабинете, и что-то слышать, кроме скрипа шариковой ручки, рисующей привычный размашистый узор, и шелеста бумаг... В ее возрасте и без знания компьютера сложно найти работу. Невероятно сложно...

– Когда Вы будете искать замену?

Действительно, хорошо, что я решила взять отпуск. Может быть, за неделю они кого-то найдут и мне не придется весь болезненный период находиться в бухгалтерии... Ну почему я не попросила две недели?!

– Никого искать не планирую, – ручка и бумаги снова были отложены. – Вы можете занять это место.

Меня парализовало на несколько секунд. Директор явно ждал мое мнение по этому поводу.

– Я не смогу взять на себя эту должность... – выдохнула я.

– Странно, а чем же Вы занимались все это время?

Его вопрос я не поняла, но почувствовала, что на него можно не отвечать.

– Ваша скромность не секрет ни для кого, но пора уже подумать о себе. Работа та же. А зарплата почти вдвое больше.

Раздался звонок. Спокойная, разливающаяся по всему кабинету мелодия наверняка вызывала бы у меня приятные ощущения, не будь она звуком вызова на телефоне моего директора.

Виктор Федорович встал со стула и начал медленно ходить по кабинету. Он больше слушал и отвечал кратко. В это время я лихорадочно пыталась собрать свои мысли в голове хоть в какую-то цепочку.

«Ваша скромность не секрет ни для кого...» Так значит, я не обычная серая мышь, и моя персона имеет определенную характеристику в глазах абсолютно всех моих коллег: «слишком скромная» или, может, даже: «до неприличия скром-

ная». Или «ломает из себя скромницу»... Ужас...

Что там дальше? «Зарплата почти вдвое больше». Это звучало приятнее. Сразу чувствовался запах возможностей... Снять небольшой домик или даже взять его в кредит, обеспечить достойную кормежку парочке псов...

Виктор Федорович почесал затылок и начал что-то объяснять про новое оборудование во «Вкусе к жизни» – другой сети фитнес-залов нашего города.

Нет. Получить это значит забрать чужое. Галина Сергеевна с ее планами купить внучке на день рождения велосипед... Мой взгляд невольно упал на два растения, стоящие рядом в горшках. Оба – «денежные деревца» и, как на подбор, велики. У моего директора по всем признакам не должно быть проблем со средствами. К чему кого-то сокращать?..

На душе заскребли кошки. Я подняла глаза. Виктор Федорович закончил разговор и что-то искал в ящике стола. Возможно, он уже и забыл про наш разговор. Ну конечно. Я могу смело взять кассовые документы, приветливо попрощаться и уйти...

– Вы можете не отвечать. В любом случае в ближайший месяц работу вести Вам. А дальше посмотрим. У Вас есть время подумать, кого нашей бухгалтерии не будет хватать – помощника или главного бухгалтера. Я очень надеюсь, что бухгалтерия ограничится Вами... Да. На следующей неделе отдохните, а после – принимайте дела.

Я уже и забыла, что несколько минут назад мечтала об от-

дыхе. Виктор Федорович стал набирать номер на телефоне, и я поняла, что наш разговор закончен. Я забрала документы и быстро направилась к выходу. Дотронувшись до холодной дверной ручки, я вздрогнула и задержалась на две секунды. «Нет, – остановила я свой порыв, – глупо просить своего начальника пока не говорить Галине Сергеевне, что мне стало известно. Он директор. И сам решает, что и кому говорить».

Я вышла.

Каким же счастьем было обнаружить на своем заваленном документами столе красный стикер со знакомым почерком: «Марусечка! Я ушла в налоговую».

Я почувствовала, что снова обрела крылья, и решила позволить себе насладиться предвкушением отпуска. Отпуск! Всего через 5 дней. Начиная с будущей субботы я свободна на целых девять дней! Что мне делать? Надо срочно думать, куда ехать!

Конечно, после разговора с директором мечты об отдыхе стали чем-то вроде вкусного ужина на сытый желудок. Зачем он задал мне вопрос, хочу ли я занять место Галины Сергеевны? Нет, не хочу... Вот если бы он протянул мне приказ на вступление меня в новую должность...

Я заварила себе молотый кофе. Шоколадка мне была просто необходима. Сейчас же спущусь в буфет и куплю ее. И вареники с капустой. Две порции. Сегодня можно. В конце концов, жизнь продолжается. Я не в ответе за решения моего руководства. Что мне делать, я решу потом. После отпуска

ка... Уже почти обед... Я имею полное право на полчаса в обществе мучного и сладкого. И еще надо успеть залезть на сайт отелей побережья. У меня осталось всего 5 дней!

Мой телефон стал тоскливо петь голосом Селин Дион. Надо сменить мелодию. Звонила Олеся.

– Приветик, Марусь, ты еще не в столовой?

– Еще нет, но уже спускаюсь.

– Я заняла очередь, иди скорее. Жду!

Голос Олеси был запыхавшийся и взволнованный. Что-то подсказывало мне, что эмоции подруги связаны не с желанием скорее получить обед.

Я оставила недопитую кружку кофе на столе, взяла свой маленький розовый кошелек, связку ключей и вышла, закрыв входную дверь.

Олеся держала в руках тарелку с салатом и двумя румяными котлетами. Она могла себе позволить и три. Моя подружка преподавала восточные танцы и пилатес в нашей «Антилопе» и выглядела даже стройнее той, в чью честь был назван наш фитнес-клуб каким-то неумным фантазером.

Длинные русые волосы Олеси были собраны в высокий хвост – она всегда их так завязывала после тренировок. На Олесе было шелковое платье темно-синего цвета и высокие каблуки. На работу она обычно ходила в балетках или в туфлях-лодочках. Очевидно, что она не заезжала с утра домой.

– Поспать не получилось? Утренняя тренировка была? – Я взяла поднос и стала сканировать предложенные блюда,

выбирая растительные и сытные одновременно.

– Кто ж ее отменит, была, – Олеся тяжело вздохнула, но на губах продолжала играть довольная улыбка.

Я взяла две порции вареников и два винегрета. Что сделаешь, интересы веганов в нашей столовой не учитывались – какое уж там разнообразие. Из головы не выходил разговор с директором. Через минуту две плитки орехового шоколада нашли свое место на моем подносе. И салат с помидорами. И томатный сок. Олеся рассчиталась за свой обед и озадаченно смотрела на мои манипуляции с едой. Продавец отдала сдачу Олесе и устало взглянула на меня.

– Еще вон те орешки.

Когда я рассчиталась, то мы поспешили занять свободный столик. Делить его с кем-то совсем не хотелось, ведь мы обе понимали, что нам есть о чем поговорить.

– Все нормально? – спросила Олеся первой. – Ты вчера тоже была на свидании?

Я придумала историю про знакомство с мужчиной моей мечты для мамы и Олеси. Ну, чтоб они наконец перестали цепляться с предложениями с кем-то меня познакомиться. Мой избранник Николай, высокий и темноволосый, был очень занятым человеком, и мы встречались с ним не так часто, как хотелось бы. Его частые командировки... Архитектору приходилось почему-то много ездить. Честно говоря, я миллион раз пожалела, что «сделала» Николая архитектором. Ведь я понятия не имею, чем они там занимают-

ся. Чертят что-то. Вот и приходилось вечно уклоняться от вопросов о его работе. Однажды мне хватило глупости заявить, что он часто летает в Москву, потому что они проектируют новый спорткомплекс. У мамы тут же созрела уверенность, что ее потенциальный зять – необыкновенно перспективный молодой человек, раз его приглашают в столицу. Следом мама высказала опасение, а не придется ли мне вместе с ним переезжать в Москву. Целых два дня она ходила очень обеспокоенная и постоянно что-то спрашивала. То про название спорткомплекса, то про район Москвы, то про серьезность наших отношений. Когда я поняла, что так и до нервного срыва недалеко, причем моего в первую очередь, то как можно убедительнее уверила маму, что он там выступает как один из команды архитекторов, и работа временная, скорее, даже сезонная, и осенью он будет занят другим проектом в нашем городе. Определенно, с Николаем в ближайшее время придется покончить...

– Ты заказала еды на троих вегетарианцев! Надеюсь, все в порядке?

Олеся не спеша жевала салат. Котлеты оставались нетронутыми. Носок ее туфли кремового цвета выглядывал из под скатерти, и Олеся рассматривала его слишком внимательно. Она улыбалась. С загадочностью Моны Лизы.

– Сергей меня вчера очень удивил.

Я поняла, что сейчас начнется самое интересное. Придвинула стул максимально близко к столу и подперла рукой под-

бородок, продолжая поглощать обед.

– Честно, мне совсем не хотелось торопиться... У него семья такая добрая, и мама очень была мне рада, но я не думала, что он... – Олеся полезла в сумочку и через минуту протянула мне бархатную коробочку. Я чуть не поперхнулась томатным соком и быстро начала вытирать руки салфеткой. Коробочка была необыкновенно приятной на ощупь. Я помедлила. На мгновение я представила, что это моя коробочка... Ну да. А человек, подаривший ее – чужой незнакомец, которого я никогда не вспомню... Я слегка встряхнула головой, чтобы прогнать наваждение, и быстро открыла футляр. Кольцо ослепило меня блеском, и по телу пробежало приятное тепло. Небольшой прозрачный камень, название которого не оставляло сомнений. В изящной оправе классической формы из белого золота. Не вычурное, небольшое, но наверняка ужасно дорогое, т.к. камень был хоть и невелик, но с высокой чистотой. Сергей совсем не глуп. Знает, что девушкам особенно нравятся именно такие колечки – без цветных камней и оправы, отвлекающей внимание от сути. Это кольцо характеризовало купившего его мужчину только с положительной стороны. Кольцо было небольшим, но с хорошим камнем, значит, он ценил то, что внутри, а не снаружи. В кольце ощущается добротная сдержанность без кичливости. Совсем как в манере Сергея держать себя. Классическая форма – тоже плюс для жениха. Будет ценить семью. Именно такое кольцо может передаваться из поколения в поколе-

ние без опасений, что очередная невеста откажется «носить такую безвкусицу».

Я сразу же поделилась своими мыслями с подругой. Олеська была растрогана. Мне даже показалось, что она вот-вот расплачется.

– Ты действительно так думаешь?.. Думаешь, мне стоит согласиться?

Секунду назад я отправила в рот охапку орешков и тут же пожалела, т.к. на этот раз реально чуть не поперхнулась.

– Ты... хочешь... сказать, что ты ему не ответила... «да»? – кашляя, с трудом говорила я, пока Олеся слегка хлопала меня по спине и смеялась.

– Я же говорю, для меня это все было неожиданностью, – начала оправдываться подруга. – Я и помыслить не могла, что он сделает мне предложение... Сказала, что надо немного подумать... Но он все понял. Совсем не обиделся... Вроде...

– Ты считаешь, мне стоит согласиться? – спустя минуту спросила Олеся.

Только теперь я заметила, что она была похожа на взъерошенного котенка. Волосы затянуты в хвост, но непривычно топорщились; от недостатка сна взгляд казался растерянным и наивным, платье – я только сейчас заметила – изрядно помято.

– Ты просто боишься предпринимать такой важный шаг сейчас? Ты хочешь выйти за него замуж, но через полгодика

или год, да?

– Да, точно! Ты меня понимаешь! – Олеся снова стала жевать котлету.

– Тебе просто нужно было так и сказать Сергею.

– Да, но я не уверена, что хочу замуж через год или через месяц. Вернее, я хочу...но не уверена когда. То есть замуж я не хочу прямо сейчас...Все так сложно, – у Олеси заблестели глаза и подбородок дрогнул.

– Я сказала ему, что готова к нему переехать...Он предложил накануне и я вчера согласилась...

– А, ну тогда все понятно! Сначала ответ на вопрос «переехать к нему», а чуть позже – на предложение выйти замуж. Не по порядку только! – Я старалась придать голосу бурную радость, хотя с этого мгновения я фактически уже осталась одна в нашей маленькой квартирке и эта перемена меня очень испугала.

Тут подруга резко махнула ногой под столом, цокнув каблуком.

– А если он предложил выйти замуж только чтобы я согласилась переехать к нему? А теперь я согласилась и можно не жениться. Мне придется жить с ним и надеяться, что он снова сделает предложение, а он год за годом его делать не будет...

Все мое уныние как рукой сняло. И правда, в этом наша женская суть. Но логика ведь железная! Олеся вдруг превратилась в сыщика, нашедшего зацепку в расследовании. Ее

глаза загорелись и сузились, а руки крепко схватили край стола.

– Я буду как Инка из моего класса! Она с одиннадцатого класса живет со своим парнем и никак не дожидается предложения. Каждая встреча одноклассников – это куча вопросов от всех по очереди: «А вы еще не поженились?» А она, бедная, зеленеет с каждым годом все больше и больше. В этом году я думала, она вырвет волосы у Ритки, которая умудрилась спросить, почему за семь лет они так и не расписались... А ведь через семь лет мне будет... за тридцать...

– Значит, все-таки ты хочешь замуж? Я думаю, тебе просто нужно сказать ему «да» и не дожидаться второго вопроса.

– Как думаешь, если я сегодня вечером соглашусь, это еще нормально будет? – Олеся выглядела не на шутку взволнованной. – Или позвонить?.. Или отправить смс... Как лучше?

– Какой вариант тебе кажется более подходящим?

– М-м-м... Смс!

– Пиши! – Я махнула рукой в сторону ее телефона.

Олеся молниеносно схватила телефон.

– Стой! – вскрикнула я. – Ты должна точно знать, что этого действительно хочешь... Понимаешь?

Олеся посмотрела на меня затуманенным взглядом. Мысли ее явно роились далеко за пределами столовой.

– Да... В конце концов, можно дать согласие, а... свадьбу назначить через год!

Оказывается, чтобы заставить нас здраво мыслить, иногда нужен совсем небольшой толчок – просто спроектировать прямо противоположную ситуацию той, в которой сомневаешься.

Олеся быстро постукивала по экрану, потом еще долго смотрела на него.

– Отправилось, – глубоко вдохнула она. – Я написала: «Я согласна быть твоей женой». Не слишком пафосно?.. Марусь, мне за сегодня ведь надо упаковать вещи. Он уже в 10 утра пришлет машину.

А на что я надеялась?

– Так быстро? Я думала, может, в выходной?

– У меня немного вещей, чего тянуть... А завтра удобно.

Первая тренировка только в два.

– Я... помогу тебе собраться... Посуду поделим. Мы ее ж вместе покупали, – я улыбнулась слишком вымученно, но Олеся вроде не заметила.

– Такое брать не буду точно. Вдруг через неделю решу вернуться?

– Попробуй только, я тебя не пущу!.. Вечером будем вместе паковать вещи.

Я стала слишком пристально рассматривать содержимое тарелки.

Олеся глядела в сторону. При этом нервно постукивала пальцами.

– Так, у меня скоро тренировка, а он еще не ответил...

Тут Олеськин телефон пискнул. Через секунду она уже смеялась, запрокинув голову назад.

– «Я рад»... И все! Представляешь?! Ни тебе смайлика, ни восклицательных знаков... Как это понимать?

– Он рад. Если нет восклицательных знаков, это не значит, что он не рад...

– Ладно, – Олеся махнула рукой и поспешно отложила телефон. – Хватит про меня! Расскажи, у тебя как? Что вчера делала?

– Лучше всех! – я сделал вид, что не расслышала последний вопрос.

– Марусь, прости, я совсем забыла спросить, как быть с квартирой? Тебе будет тяжело самой ее оплачивать. Я, получается, тебя подвела... Будешь искать кого-то?

– Ни в коем случае! – от мысли, что мне придется делить жилье с кем-то, кроме Олеси, у меня даже аппетит пропал, и я поняла, что большую часть еды придется забирать с собой.

– Если не с тобой, то ни с кем! Буду искать подработку... Что-нибудь придумаю.

– Тебе бы найти другую работу. С твоими знаниями ты смело можешь претендовать на более престижную должность. Да и твоя Галя тебя замордовала вконец!

В животе заныло от неприятных воспоминаний. Обед уже заканчивается, я не успею рассказать о разговоре с директором. Да и не хотелось.

– Что-нибудь придумаю, – я взглянула на часы. – Мне по-

ра. Я сегодня вернусь, наверно, раньше тебя? Начну укладывать постельное белье и полотенца.

– Нет! Пусть пока у тебя полежат вместе с посудой. Ты лучше приготовь канапешек. А я принесу вина. Отпразднуем или... напьемся с горя... – ее голос дрогнул. – Я так боюсь что-то менять...

– Олесь, еще слово, и я решу, что это заразное. Это моя особенность – бояться нового. Ты не такая! Забыла? Моя подруга смелая и решительная! ... Все, я побежала, работы много! Целую, до вечера.

Как только я оказалась в лестничном пролете, грусть-тоска навалилась на мои хрупкие плечи. Остаюсь одна. Совершенно... Я быстро поднялась по лестнице для сотрудников. Дверь нашей бухгалтерии располагалась первой по небольшому коридорчику. Здесь было всего три кабинета – наш с Галиной Сергеевной, менеджерский и кабинет директора. Я плотно закрыла за собой дверь и мысленно молилась, чтобы до шести вечера эта дверь не открывалась никем, кроме меня, и то только по причине посещения мной дамской комнаты. Я мечтала провести оставшиеся четыре часа рабочего времени наедине со своей стопкой бумаг и компьютером.

Да, ситуация получалась странной. Я была расстроена, что остаюсь один на один в своей маленькой квартирке, но при этом жаждала не видеть людей в ближайшие несколько часов. Одинокие вечера меня пугали. Но я вовсе не боялась одиночества днем и особенно на работе. Мне всегда нрави-

лось в тишине заниматься своими делами. Но вечера... Со мной будет только дневник, в который я вынуждена записывать события дня... После записей жизненно необходимо было поболтать с подругой, посмеяться над какой-нибудь глупостью коллег на работе или обсудить понравившуюся кофточку на сайте интернет-магазина.

Мысль о том, что моим единственным развлечением станет дневник, могла быть скрашена только мечтами о маленьком питомце. Обязательно начну с собаки. Завтра утром приду на полчаса пораньше и выпишу телефоны заводчиков. После отпуска сразу обзаведусь пушистым другом.

Завтра вечером Олеси уже не будет дома, и спешить некуда. Я все успею завтра. Будущий день сразу стал менее пасмурным. Причин для грусти у меня нет. Я отправляюсь на отдых к морю.

Каждый обед буду видеться с Олеськой и болтать о всякой всячине. Вечером меня будет ждать дома милейшая собачка, а на работе будет столько работы, что грусть не получит никаких шансов завладеть мной хоть на пять минут.

С таким настроем я принялась за бумаги и под села ближе к клавиатуре. Приятный летний ветерок шевелил оконные жалюзи, и воздух был довольно чист, учитывая, что за окнами роились машины, а в соседнем здании шла стройка. Полуденное солнце и вернувшиеся с обеда строители взяли верх – я закрыла окно и включила кондиционер.

Время пробежало незаметно. Часы показали без пяти ми-

нут шесть. Несколько пачек бумаг были мною безжалостно продырявлены дыроколом и отправлены в соответствующие папки. Тут я вспомнила, что вечер будет занят сборами, и решила сделать записи прямо сейчас. Олеся все равно задержится – успею приготовить жульен и канапе. Я поставила чайник, чтобы сделать кофе, и достала свой дневник-планшет...

Глава 3

Звонок будильника. «Боже, опять на работу! Смертельно болит голова... Почему так рано? Я только уснула... Не может быть, чтобы я до утра писала дневник... Ужасный шум. Какого черта соседи решили делать ремонт в такую рань!? Голова раскалывается... Сколько мы вчера выпили с Олесе́й? Помню только одну бутылку...

О Господи, я не лежу, я сижу! Так и уснула в кресле... Что шумит?... Забыла выключить телевизор... Голова... В таком состоянии идти на работу... Больше никогда не буду пить, даже малюсенький бокальчик».

Я попыталась встать, но не смогла. Жуткая боль в ногах от попытки приподняться в кресле... Голова закружилась и все поплыло... Вокруг меня... люди... Люди?!.. Я не дома! Голова кружилась так, что я схватила подлокотники, словно это была моя единственная опора в окружающем меня безумии. Звук будильника... Где мой телефон? Где... я... Сердце начало бешено колотиться. Ощущение, что я сошла с ума... Или умерла? И нахожусь возле ворот в рай? Иначе как объяснить, что вокруг столько людей? Здесь душновато... Неужто ад?

Голова продолжала кружиться. Я однозначно пьяна. Ноги не слушаются и болят ужасно. Я лихорадочно пыталась понять, где нахожусь. Люди... кресла... электрон-

ное табло... Огромный плакат девушки в купальнике и надпись Calzedonia... Налоговая? Многофункциональный центр? Где этот телефон!? Как выключить будильник?! Ф-фух, замолчал сам!.. Так, дальше... Почему люди с чемоданами?... Боже, это вокзал! Или аэропорт...

Что я здесь делаю?!

Головокружение немного поутихло. При этом боль в ногах усилилась. Я продолжала сжимать подлокотники. Удивляюсь, что руки меня тоже не очень слушаются, ведь мне не удавалось сжать кисти, я лишь давила внутренней частью ладони и безуспешно пыталась сгибать пальцы. Видимо, я производила впечатление глубоко умалишенного человека – мужчина средних лет с доброжелательным выражением лица осторожно наклонился и что-то пытался мне сказать. Он определенно говорил вслух, но мое сознание расплылось даже не по всей голове, а по всему огромному залу. Ну почему мне не удастся сосредоточиться? Сколько же я выпила? Точно! Я же собиралась в отпуск. А летать ужасно боюсь! Потому что почти никогда не летала... Выпила для храбрости и немного переборщила. Нет, я никогда не пью до беспамятства... До беспамятства...

Почему мужчина говорит так невнятно, неужели не видно, что мне и так нелегко?.. Наконец мне удалось сфокусировать взгляд на загорелом вытянутом лице странного человека и его растерянной улыбке. Я даже открыла рот, чтобы что-то сказать, но вырвалось только слабое мычание. Мне

удалось усилить способность сосредотачиваться, и я немного расширила область осознанного обзора. В результате я увидела рядом с мужчиной худощавую женщину в желтом батнике. Кожа была тоже смуглой, волосы седые и аккуратно зачесаны назад, морщинистое милостивое лицо улыбалось с тем же выражением, какое было у ее спутника. Что они говорят? Я ничего не понимаю... Стоп! Это не русская речь! Я не понимаю, потому что они говорят на иностранном!.. Это точно аэропорт! И находится он не в России.

В тот момент убийственная догадка наверняка придала взгляду дополнительную долю безумия. Тут еще этот дурацкий будильник с полным отсутствием интеллекта и сочувствия к катастрофически тяжелому состоянию хозяйки... Эти люди... Сейчас они вызовут полицейских, и меня увезут в тюрьму, посчитав за террористку... А я даже не знаю, где я...

Я постаралась стереть с лица большую часть эмоций и выжать подобие улыбки. Тут мои руки начали что-то изображать в воздухе, и я открывала рот, пытаюсь подобрать слова.

Мужчина произнес знакомое мне слово: «пardon». Улыбка на его лице сменилась на выражение глубокого сочувствия. Женщина протянула немного кисти рук, ее ладони смотрели вперед, брови высоко поднялись, образовав на лбу тонкие морщинки. Она что-то говорила, будто извиняясь.

До меня дошло, что со своей жестикуляцией и беззвучной речью я походила на глухонемую. Это оказалось отличным

выходом из ситуации, и я еще немного поводила кистями рук для полной убедительности. Мужчина и женщина пятились назад, продолжая что-то говорить...

Так, по порядку. Надо найти телефон и отключить будильник. Сумочка. На мне моя толстовка. Звук будильника раздавался из внутреннего кармана. Я испытала первое чувство радости. И, похоже, стала приходить в себя. Голова значительно меньше кружилась. Руки начали меня слушаться и даже расстегнули толстовку. Мне удалось быстро обнаружить телефон, и я открыла его, чтобы выключить звук. Вдруг из чехла мне на колени упала какая-то сложенная в несколько раз бумага с отпечатанном на принтере текстом. Спокойно, все по порядку. Я отключила будильник. Стала разворачивать бумагу. Что-то типа договора...Время...Рейс... Это была распечатка электронного билета. Минуту я пыталась вникнуть в написанное. Мне удалось понять, что билеты на мое имя и ближайший вылет ...12 июня...Рим-Стамбул. 12 июня. Электронное табло. На нем горела куча цифр и непонятных слов. 12.06. Телефон! В телефоне дата – 12 июня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.